

Елена Арсеньева

Нелюбимая фаворитка (Екатерина Долгорукая – император...

*Часть сборника
Любовь у подножия трона
(сборник)*

Любовь у подножия трона

Елена Арсеньева

**Нелюбимая фаворитка (Екатерина
Долгорукая – император Петр II)**

«Автор»

2003

Арсеньева Е. А.

Нелюбимая фаворитка (Екатерина Долгорукая – император Петр II) / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2003 — (Любовь у подножия трона)

ISBN 5-699-04439-6

«Государь император Петр II Алексеевич сидел, весь обвиснув на стуле. Губы мягкие, слюнявые, глаза мутные. Ослабели черты, поникли плечи – кажется, он еле-еле удерживается, чтобы не уткнуться лицом в столешницу и не захрапеть. Да, выпито нынче было немало, да и охота притомила...»

ISBN 5-699-04439-6

© Арсеньева Е. А., 2003

© Автор, 2003

Елена Арсеньева

Нелюбимая фаворитка

Государь император Петр II Алексеевич сидел, весь обвиснув на стуле. Губы мягкие, слюнявые, глаза мутные. Ослабели черты, поникли плечи – кажется, он еле-еле удерживается, чтобы не уткнуться лицом в столешницу и не захрапеть. Да, выпито нынче было немало, да и охота притомила...

Многие из гостей, собравшихся нынче в Горенках, в имении князя Алексея Григорьевича Долгорукого, тоже раздирали зевотою рты, однако немислимо было уйти спать прежде государя. Приходилось терпеть, пока он не изъявит такого желания. А он клевал носом, жмурил воспаленные глаза, но не уходил, наблюдая, как Долгорукие затевают игру в фанты.

Николай, младший из детей князя Алексея Григорьевича, подстрекаемый неусыпным взором отца, обошел собравшихся и у каждого взял фант: платочек вышитый, или перстенек, или табакерку, или еще какую-то безделушку. Юный император тупо хихикал, когда князь Алексей Григорьевич, сидевший спиной ко всем с завязанными глазами и дававший фантам задание, выдумывал что-нибудь особенно смешное.

Сыну Ивану, любимчику императорскому, велено было три раза проползти под столом – в первый раз собакой лаять, во второй – кошкой мяукать, а в третий раз петухом кричать. Поскольку Иван был высок ростом и широк в плечах, он всякий раз застревал под столом и громко ругался в промежутках между лаем, мяуканьем или кукареканьем. Это было смешно, гости животики надорвали, с них даже сон помаленьку сошел.

Младшая княжна Долгорукая, Елена Алексеевна, тоже изрядно насмешила собравшихся, когда по воле отца принуждена была спеть. У нее не было ни слуха, ни голоса, из ее горла вырывались нестройные звуки, толстые щеки нелепо раздувались, и княжна более всего напоминала упоенно квакающую лягушку.

Камердинеру государеву, Степану Васильевичу Лопухину, велено было объяснить в любви следующему фанту. Этим фантом оказался сам Алексей Григорьевич, которого, как и все его семейство Долгоруких, Лопухин на дух не переносил, поэтому объяснение вышло кислым, покислее, чем поданная нынче к ужину капуста.

– А последнему фанту что сделать? – спросил наконец Николай, когда его отец старательно поблагодарил Лопухина за любовь и ласку и снова уселся спиной к собравшимся, завязав глаза и изготавясь исполнять свои обязанности водящего. Из коробки, обшитой бархатом, Николай вынул жемчужное ожерелье, которое незадолго до этого сняла со своей нежной шейки княжна Екатерина Алексеевна, старшая дочь Долгорукого.

Меж отцом и сыном так и было уговорено, что в последнюю очередь вынется именно это ожерелье. Однако князь задумался так натурально, словно никак не мог измыслить задания фанту.

– Этому что? – пробормотал он нерешительно. – Ну что же сделать этому? В окошко, может, выпрыгнуть? Ан нет! Этому фанту присуживаю поцеловать государя нашего, Петра Алексеевича!

Екатерина громко хихикнула и прикрылась платочком, как бы вне себя от смущения. Потом поднялась и осторожно приблизилась к государю.

А Петр даже не шевельнулся – так и сидел, опершись локтями в стол и с трудом удерживая ладонями голову. Чудилось, будто шея его набита тряпками, словно у куклы, и совершенно лишена костей, так безвольно моталась она из стороны в сторону.

– Ваше величество, – беззаботно усмехнулся Николай Долгорукий. – Фанту надобно вас поцеловать!

Петр поднял расплывающийся взор на Екатерину и некоторое время тупо смотрел на нее, словно не узнавая.

– Целоваться? – пробормотал он наконец. – Опять с вами целоваться? Нет! – выкрикнул, с пьяной решительностью покачивая пальцем перед самым носом склонившейся к нему Екатерины. – Не хочу я с вами целоваться и не буду!

– Но как же фант... – заикнулся растерявшийся Николай, и Петр обернулся к нему с истинной яростью:

– Фант, говоришь? А этому фанту вашему лучше бы в окошко выпрыгнуть, как и было сказано. Ясно вам, господа хорошие? В окошко! Ну! Быстро! – Широко взмахнул рукой, как бы отменяя всякие возражения: – И все! И довольно! Хочу спать!

И, качаясь из стороны в сторону, вывалился из зала в коридор, так сильно запутавшись ногами на пороге, что проворный Лопухин едва успел его поддержать.

Следом стремительно, словно боялись долее задержаться в обществе опозоренных хозяев, зал покинули остальные гости, торопливо разбегаясь по отведенным им комнатам.

Через несколько мгновений в зале остались только Долгорукие. Князь Алексей Григорьевич сорвал с лица повязку, с отвращением отшвырнул в угол и первым делом отвесил пощечину злорадно усмехающейся княжне Елене. Та с воплем опрокинулась на руки матери, но та женщина не стала тратить времени на утешения и, повинувшись грозному взгляду мужа, поспешно выволокла дочь вон. Следом выскочил до смерти перепуганный Николай.

Екатерина стояла, стиснув перед грудью руки, бледная, неподвижная, словно перед казнью. Такой же мертвенный вид имел и старший Долгорукий.

– Да бросьте, – с неловкой жалостью пробормотал князь Иван, переводя взгляд с сестры на отца и даже забывая о привычной неприязни к ним. – Ну чего вы так?.. Пьян же, лыка не вяжет, вот и несет Бог весть что. Плюньте и забудьте, утро вечера мудренее.

Ни Алексей Григорьевич, ни Екатерина даже не шелохнулись, не удостоили его взглядом.

– Смотрите, как хотите, – обиженно вздохнул князь Иван, – коли так, пошел я.

И удалился в полной тишине.

Отец и дочь какое-то время еще хранили молчание, потом Екатерина с усилием разлепила онемевшие губы и невнятно проговорила:

– Ну, ладно. Я тоже пойду.

– Спать, что ли? – бросил Долгорукий, бесясь оттого, что их задумка не удалась, однако не имея ни сил, ни желания утешать потрясенную дочь. У него у самого как оборвалось нынче от слов императора сердце, так до сих пор и не встало на место, что же говорить о Катке, которой все равно что плюнули в лицо, да еще прилюдно? Неважно, что стоит сейчас с каменным выражением, – на душе небось таки-ие кошки скребут...

– Ну да, – тем же блеклым голосом произнесла Екатерина. – Пойду спать. А ты не забудь, что его величество хотел поутру щеночков нового помета посмотреть.

Алексея Григорьевича аж шатнуло. Да не ослышался ли он? Может ли такое быть? Неужели Екатерина все же намерена довести до конца то, что они задумали совершить сегодня, – довести до конца, несмотря ни на что?!

Он ни о чем не спросил – побоялся спугнуть удачу. Отец и дочь только обменялись взглядами. Вопрос был задан, ответ получен... И все, что мог сделать Алексей Григорьевич, когда прямая, будто аршин проглотившая, Екатерина прошла к двери, – это перекрестить напряженную спину своей любимой дочери и выдохнуть:

– Храни тебя Бог...

...На другое утро камердинер Степан Васильевич Лопухин в половине восьмого отворил дверь опочивальни, где всегда спал государь, когда приезжал в Горенки, и на цыпочках прокрался к кровати.

Вот те на! Под пуховым алым одеялом – очертания двух тел. Торчат голенастые ноги – не то чтобы мужские, но и не мальчишеские. Пальцы грязные – государя не заставишь лишний раз на ночь ноги вымыть. Вот уж правда что мальчишка!

Впрочем, какой же он мальчишка, если с его ногами переплетены стройные женские ножки? Это, братья мои, уже чисто мужские дела-делишки!

Степан Васильевич постоял минутку, с видимым удовольствием любуясь маленькой сухощавой ножкою с крутым подъемом и округлой розовой пяточкой. Совершенно все как в старинной песне: «Округ пяты яйцо прокати, под пятой воробей проскочи». А какие чудесные пальчики! Такие пальчики перстнями золотыми да серебряными нужно унижать, как принято у восточных красавиц. Вообще, ножка вполне достойна сказочной царевны.

Чьи ж такие ножки могут быть, а? Кого успел заманить вчера в свою постель непутевый отрок? Вроде же был пьянее винища...

Прелестные ноги обнажены были только до колен – все, что выше, пряталось под одеялом, которым спящие накрыты были с головой. Степан Васильевич походил вокруг кровати на мягких лапках – он нарочно появился в толстых шерстяных носках, чтобы и ступать бесшумно, и ноги не застудить, – но разглядеть ничего не удалось. Вот закопались! Не тянуть же одеяло с этих шальных голов. От Петеньки, его царского величества, на такое можно нарваться...

Ладно, время идет. Он подошел к печи, где лежали с вечера приготовленные растопка и дрова, и принялся проворно, со знанием дела разводить огонь. Конечно, можно было позвать истопника, но Степан Васильевич сам любил возиться с печью, а потом разве можно допустить, чтобы посторонний увидел царскую ночную гостью? Вдруг окажется не какая-нибудь пригоженькая малышка из девичьей, а дама из общества? Бывало и такое, бывало. Внучок весь пошел в дедушку-блядуна Петра Алексеевича...

Степан Васильевич дипломатично грохотал полешками и кочергой, шуршал берестой что было силы, а сам настороженным ухом ловил, не зашевелились ли спящие. Ну, пора, пора, голубки, пора просыпаться, не век же спать-почивать!

Ага, заскрипела кровать. Не иначе, дошли молитвы на небеса! Степан Васильевич начал было пристраиваться половчее и понеприметнее оглянуться, чтобы все же увидеть неизвестную красавицу. Однако сдержал любопытный взгляд. У государя утром иной раз такая охота к продолжению наслаждений просыпалась – куда там ночным страстям! Вдруг снова пожелает помиловаться? Не сбежать ли, пока не поздно, пока голубки его не заметили?

Ан поздно.

– Степан, воды подай! – раздался хриплый голос повелителя всея Руси, который спрсонок всегда говорил каким-то стариковским прокуренным басом. Ну да, страсть к табачищу он тоже унаследовал от деда и дымил с утра до вечера почем зря! – А ты, милая, радость моя... – И наступило молчание, а потом Степану Васильевичу почудилось, что государь вдруг разом помолодел годков этак на десять, потому что голосишко у него вдруг сделался тоненький-тонюсенький, совершенно мальчишеский. Более того – показалось Степану Васильевичу, будто малец этот вот-вот зальется слезами, потому что воскликнул плаксиво, испуганно: – А это еще кто?!

– Ваше величество, помилуйте! – послышался обиженный женский голос, и Степан Васильевич, забыв выучку и осторожность, резко обернулся, уставился недоверчиво на кровать, где, в невообразимом месиве подушек, простыней и одеял, рядом с перепуганным, всклокоченным императором сидела такая же перепуганная и всклокоченная... княжна Долгорукая.

Старшая княжна.

Екатерина Алексеевна.

«Мать честная... – подумал Лопухин чуть ли не с восхищением. – Обратили-таки нашего жеребчика!»

Он еще хотел всплеснуть руками, но не успел, потому что раздался осторожный стук в дверь, а вслед за тем – вкрадчивый голос:

– Ваше величество, Петр Алексеевич! Простите великодушно, коли беспокою, но до вас крайняя надобность! Позвольте войти! Вы велели немедленно вас будить, коли у Белянки, вашей любимой лягавой, *начнется*, так вот первого щеночка она уже принесла. Отменный кобелек! Извольте встать и пойти поглядеть? Ваше величество, вы спите?

Петр, княжна Екатерина и Степан Васильевич только и успели, что обменяться ошалелыми взглядами, ну а потом дверь в опочивальню распахнулась, и на пороге появился не кто иной, как хозяин Горенок, Алексей Григорьевич Долгорукий.

Князь-отец, стало быть, как поется в старинных свадебных песнях...

* * *

– Сторонись! Зашибу! Сторонись, сволочи!

Этот высокий, ошалелый мальчишеский визг несся над полем и заглушал все звуки, сопровождавшие охоту: крики егерей, горячивших коней и подгонявших собак, которые, впрочем, и без понуканий угнали далеко вперед; лай осатаневших от близкой добычи борзых; тяжелое дыхание усталых от сегодняшних беспрестанных гонок коней; возбужденные вопли охотников, видевших близость добычи и всячески старавшихся опередить на подступах к ней всех соперников... Бедная лисица была одна на всех – на свору собак, свору коней, свору людей, – но, чудилось, отчаянней, горячее всех желал настигнуть ее юнец в черном полукафтанчике нараспашку, из-под которого был виден темно-зеленый шелковый камзол с широким поясом. Полукафтан надувался над его спиной словно парус; шапка давно слетела, короткие черные волосы стояли дыбом, взвихренные ветром; глаза, полные слез, вышибленных тем же ветром, чудилось, остекленели от напряжения, зубы были стиснуты, и меж них рвался этот не то визг, не то вой:

– Сторонись! Прочь, сволочи! Зашибу!

Его хлесткой плетки, впрочем, ни у кого не было охоты испытать на своих плечах. Это не просто мальчишка тринадцати лет, а не кто иной, как родной внук ломателя, ниспровергателя и сокрушителя, самого Петра Великого, сын злосчастного царевича Алексея Петровича, кончившего жизнь свою в застенке. Стало быть, государь-император, самодержец всероссийский, царь Петр Второй Алексеевич.

Только двое осмеливались скакать почти бок о бок с государем: рыжеволосая, с шальным взором всадница в травянисто-зеленой суконной, по аглицкой моде пошитой амазонке и щеголеватый молодец с надменным выражением безупречно красивого голубоглазого лица.

Всадницей была Елизавета, родная дочь Петра Первого, – Елисавет, как ее предпочитали называть близкие люди. Все в окружении царя знали, что мальчик совершенно без ума от своей озорной, насмешливой восемнадцатилетней тетушки, она его первая любовь и первая страсть, ради нее он на все готов и беспрестанно домогается от нее шаловливых поцелуйчиков и позволения пожать нежную пухленькую ручку, а Елисавет то поглядит ласково, то не поглядит, держит государя императора на коротком поводу, словно песика, но повод тот шелковый, так что сорваться у песика нет ни охоты, ни возможности.

Рядом с великой княжной скакал любимец государев, а по-иностранному выражаясь, фаворит: Иван Алексеевич Долгорукий, князь молодой, повеса, щеголь, гуляка и распутник, каких свет белый не видывал, но, несмотря на это, а может, именно благодаря этому сумевший занять прочное место в сердце того одинокого, всеми позабытого мальчишки, каким был некогда нынешний император Петр Второй Алексеевич. Ведь рано осиротевший отрок находился в таком пренебрежении у дедушки-государя Петра Великого, что для него не нашлось лучших воспитателей, чем вдова какого-то портного и вдова какого-то трактирщика, о коих знающие

люди отзывались как о «женщинах неважной кондиции». Танцмейстер Норман учил царевича чтению, письму, а также поведал кое-какие первоначальные сведения о морском деле – ибо сам служил прежде во флоте. Мелькали на сем почетном месте некто Маврин, бывший при дворе пажом, затем камер-юнкером, а еще венгерец Зейкин. С миру по нитке – голому рубашка, с бору по сосенке – царевичу учителя! И только уж потом, позже, после смерти Петра Первого, к его внуку был назначен воспитателем обрусевший немец Андрей Иванович Остерман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.